

УДК 343.2/7

ЛИТОВСКИЙ СТАТУТ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИЗМЕНУ ГОСУДАРСТВУ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ЛИТОВСКОМУ

Михаил КОЛОС,

кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Украины

SUMMARY

The article concerns the research of the problems of criminal and legal responsibility for treason against the state and its head, envisaged in the Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1529, 1566 and 1588. The article reveals objective and subjective features of unlawful actions aimed against public relations in the sphere of ensuring security of Lithuanian-Rus state, determines types of punishment for the guilty persons and limitations of material nature imposed on their relatives. Conclusions are made on importance of the provisions of the mentioned Statute for further development of criminal and legal protection of the state and its high ranking officials.

Key words: Statute of the Grand Duchy of Lithuania, criminal and legal responsibility, treason against the state, lese-majesty, types of punishment.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию проблем уголовно-правовой ответственности за измену государству и его главе, предусмотренной в положениях Статута Великого княжества Литовского в редакциях 1529, 1566, 1588 гг. В ней раскрыты объективные и субъективные признаки противоправных действий, направленных против общественных отношений в сфере обеспечения безопасности Литовско-Русского государства, определены виды наказаний для виновных лиц и ограничений материального характера, налагаемых на их родственников. Также сделаны выводы о важности положений указанного Статута для дальнейшего развития уголовно-правовой охраны государства и его высших должностных лиц.

Ключевые слова: Статут Великого княжества Литовского, уголовно-правовая ответственность, измена государству, оскорбление величества, виды наказаний.

Постановка проблемы. В XVI ст. Великое княжество Литовское (далее – ВКЛ), в которое входила значительная часть украинских земель, являлось крупным европейским государством. ВКЛ не только имело развитую по тем временам экономику, но и вело активную внутреннюю и внешнюю политику. Тогда же возникла потребность в развитии эффективной национальной системы права. Основой этой системы стала первая редакция Статута ВКЛ (далее – Статут) 1529 г., в предисловии к которому Великий князь Литовский (далее – Великий князь) Сигизмунд объявил о своем тщательно продуманном намерении подарить христианские законы всем коренным жителям ВКЛ, независимо от их сословия или происхождения [1, с. 207].

Следует обратить внимание, что структура и содержание каждой из трех редакций Статута – 1529, 1566, 1588 гг. – весьма внушительны. Например, первая редакция Статута 1529 г. состояла из тринадцати разделов. Каждый из них имел определённое количество артикулов (статей). В целом в указанной редакции их было 238. Как правило, артикулы уголовно-правового содержания состояли из гипотезы, диспозиции (иногда с перечнем нескольких оснований для привлечения к ответственности) и санкции, а также норм, которые относились к так называемым общим положениям. В современных кодексах такие нормы размещаются в специально выделенных общих частях.

Украинские учёные, давая характеристику правового содержания Статута 1529 г., дополнительно обратили внимание на следующее: «Идеями христианского гуманизма наполнены почти все артикулы Статута, где идёт речь о патриотизме, об осознанном понятии суверенитета народа и государства, о равенстве всех перед законом, об ответственности правительства перед народом, об осуждении деспотизма, о праве на собственность и неприкосновенность личности... о гражданских и политических правах шляхты, о юридической защите прав личности и другое» [2, с. 23].

Уголовно-правовые положения Статута были направлены на охрану наиболее актуальных правовых отношений. Особую ценность, с нашей точки зрения, представляли нормы, которые обеспечивали нормальное функционирование государства и деятельность его высших должностных лиц. Именно этим аспектам посвящено наше исследование трех указанных редакций Статута по изданию, составленному учёными Одесской национальной юридической академии в 2002–2004 гг. [3].

Актуальность темы подтверждается отсутствием в Украине современных комплексных догматических исследований уголовно-правовых положений Статута сквозь призму генетической связи трех его редакций.

Уголовно-правовые нормы Статута в разные периоды привлекали внимание таких известных украинских уче-

ных, как Г. Демченко, Ф. Леонтович, И. Малиновский, Н. Максимейко, Я. Падох. Их фундаментальные труды легли в основу дальнейшего изучения правовых проблем и ценностей Статута, отдельным аспектам которых посвятили свои работы А. Козаченко, Ю. Курилюк, П. Фрис, а также автор этой статьи.

Целью статьи является распространение в среде заинтересованных лиц результатов углубленного научного исследования проблем уголовно-правовой охраны ВКЛ и его главы от противоправного посягательства.

Изложение основного материала. Кодификация законов, иных правовых актов и обычаев народов, населяющих ВКЛ, – результат их совместного многовекового культурного, в том числе правового, развития. Она дала возможность гражданам государства знать и качественно применять закон, пользоваться своими правами, свободами и привилегиями. Более того, благодаря политической воле главы государства в 1529 г. в процессе кодификации в национальную систему права был введен ряд социально эффективных принципов, в частности принцип неприкосновенности прав и свобод человека, полученных от предков и подтвержденных в законном порядке (арт. 7, Разд. 3), принцип территориального суверенитета ВКЛ, согласно которому его территория не должна была уменьшаться, а неправомерно отнятые кем-либо земли следовало возвращать государству (арт. 3, Разд. 3). Последний принцип предусматривал, что даже Великий князь, находясь на территории Польши, как король Речи Посполитой, не имел права дарить кому-либо имения, земли ВКЛ или подтверждать своими документами законность их дарения кому-либо в прежние времена. Такое подтверждение допускалось лишь в случае приобретения названного имущества способом купли-продажи. К тому же Великий князь мог наделять привилегиями вечного владения (землей, людьми и пр.) лишь с согласия панов радных на заседании Великого вального сейма. Таким образом, вследствие введения в Статут указанных принципов человек, общество и государство получили прогрессивные правовые основания для стабильного дальнейшего развития.

Согласно традиции, существовавшей в ВКЛ в XVI ст., государство и его глава, власть которого была ограничена законом и Великим вальным сеймом, в правовом аспекте отождествлялись и воспринимались как единое целое. Выступление против Великого князя (один из видов противоправных действий) расценивалось обществом и законодателем как посягательство на государство, и наоборот. Профессор Я. Падох, проанализировав преступления против ВКЛ, отмечал: «Принимая во внимание тесную связь Великого князя с государством, преступления против государства тяжело отличить от преступлений против маестата» (то есть величества главы государства) [4, с. 38].

Установление уголовно-правовой ответственности за совершение подданным ВКЛ побега во вражеское государство, с нашей точки зрения, было вполне обоснованным, ведь ВКЛ окружали страны, которые вели в отноше-

нии него агрессивную политику. В этом аспекте особенно отличалось Московское государство, что усматривается из содержания арт. 7, 11 Разд. 1, арт. 13 Разд. 3 Статута 1566 г. Оно неоднократно противоправно захватывало отдельные территории ВКЛ, используя с этой целью помощь изменников и других лиц.

Однако даже в таких условиях законодатель в интересах подданных и государства официально закрепил в Статуте 1529 г. право на свободу выезда с земель «Великого княжества для отыскания себе лучшей судьбы и обучения рыцарского дела во всех землях, за исключением земель неприятелей» (арт. 8 Разд. 3). Желающим разрешалось выезжать за границу для создания семьи (арт. 9 Разд. 4), осуществления торговли и в иных случаях. Аналогичные положения были предусмотрены в арт. 13 Разд. 3 Статута 1566 г., арт. 16 Разд. 3 Статута 1588 г., которыми также расширялись социальные основания для выезда в другие страны, например «для наук и обучения письму», «для лечения». Все это подтверждает существование в ВКЛ реальной свободы передвижения, включая право на выезд в иные государства и на возвращение в свою страну.

Таким образом, законодатель признавал преступлением лишь побег, совершенный в нарушение закона подданным ВКЛ, в другое государство, которое вело с ВКЛ агрессивную экономическую, политическую борьбу или войну (арт. 2 Разд. 1 Статута 1529 г., арт. 6 Разд. 1 Статута в редакциях 1566 и 1588 гг.). При этом в первой редакции Статута законодатель не предусмотрел иных, кроме побега, возможных действий общественно опасного характера, относящихся к объективной стороне состава данного преступления, например, передачу противнику секретной информации, участие на его стороне в боевых действиях и др. Это дает основание утверждать, что указанный состав преступления изначально был выписан законодателем как формальный.

Изучив проблему вины в аспекте совершения изменником побега, мы можем утверждать, что в арт. 2 Разд. 1 Статута 1529 г. о ней ничего не сказано. Однако объективная сторона исследуемого состава преступления настолько четко выписана, что дает возможность не только усматривать прямой умысел в действиях преступника, но и правильно их квалифицировать.

Что же касается содержания арт. 6 Разд. 1 в редакциях Статута 1566 и 1588 гг., то в них законодатель в императивной форме определил, что государственной изменой считается лишь побег во вражескую страну, который осуществлялся со злым (прямым) умыслом. Данное положение подтверждает, что преступник в таком случае не только осознавал общественно опасный характер своих действий, но и желал достижения соответствующих последствий. Виновное лицо, совершая такой побег, должно было иметь также специальную цель – нанесение вреда Великому князю и государству. В то же время в Статуте не указывалось, в какой форме должен был проявляться такой вред. Полагаем, что законодатель имел в виду то, что

сам факт побега шляхтича во вражескую страну наносил существенный моральный ущерб государству и его главе.

На протяжении достаточно длительного времени к беглецам-изменникам применялись такие виды наказаний, предусмотренные в редакциях Статута 1529, 1566 и 1588 гг., как лишение чести и изъятие их имений в пользу государства. Последний вид наказания Я. Падох, исходя из его фактической и правовой сущности, обоснованно называл конфискацией [5, с. 50–51]. Определённую особенность в этом аспекте имели положения арт. 6 Разд. 1 Статута 1566 г., которые предусматривали кроме указанных наказаний, возможность применения к изменнику смертной казни в случае, если он будет задержан.

Наряду с проблемами уголовно-правовой ответственности законодатель урегулировал также вопросы отношения государства к членам семьи изменника (арт. 6 Разд. 1 Статута в редакциях 1566, 1588 гг.). Так, если дети не знали о преступной деятельности отца, то чести и почтения они не теряли, то есть к уголовной ответственности не привлекались. Жена беглеца не лишалась имений, полученных от своего отца, матери, и материального обеспечения, отписанного мужем (вена), при условии, что свою непричастность к инкриминированной ему деятельности она доказала присягой (арт. 3 Разд. 1 Статута 1566 г.).

Весьма интересным является содержание арт. 4 Разд. 1 Статута 1529 г., в котором речь идет о побеге «отца от детей во вражескую землю». Такой беглец также назывался преступником, хотя в законе за побег по таким мотивам не было определено уголовное наказание в виде лишения чести. Тем не менее виновный в данном преступлении и его сыновья, включая несовершеннолетних, которым он заблаговременно не выделил имущество из своего имения, лишались права на это имение и оно передавалось государству. Если же такой преступник заблаговременно выделил часть имущества своим детям, братьям и другим родственникам, а к тому же они не знали о том, что он собирается сбежать в неприятельское государство, то суд не имел права лишать их принадлежащей им части имения. В таком случае в пользу государства переходило только то имущество, которое принадлежало лично беглецу.

Проведенный анализ дает основание утверждать, что с объективной и субъективной сторон побег отца от детей, брата от брата, сына от отца не был равноценным изменническому побегу из государства – подданного ВКЛ. Полагаем, что побег от родственников (родителей) был категорией иной правовой природы, в основе которой находились частные правовые отношения, и поэтому он не являлся государственной изменой, что исключало возможность лишения беглеца чести в уголовно-правовом порядке.

Исследование субъективных признаков состава такого преступления, как побег-измена дало возможность установить, что его субъект в положениях Статута обозначается местоимением «кто», «кто-нибудь», то есть всякий или все равно кто. В то же время из содержания всех трех ре-

дакций Статута усматривается, что основным субъектом данного противоправного действия был мужчина шляхетского сословия – подданный ВКЛ, который в момент совершения указанного преступления достиг совершеннолетия, то есть восемнадцатилетнего возраста (арт. 2, 4 Разд. 1 Статута 1529 г., арт. 6 Разд. 1 Статута 1566 г., арт. 3, 6 Разд. 1 Статута 1588 г.).

Однако, принимая во внимание сущность местоимений «кто», «кто-нибудь», а также определенные в Статуте исключения, обязывающие следственные службы и суд ВКЛ не привлекать к ответственности членов семьи беглеца-изменника (детей, жену и т. д.), которые не знали о готовящемся преступлении, можно прийти к обоснованному выводу, что лица, осведомленные о такой противоправной деятельности, а тем более способствующие преступнику в её осуществлении, приобретали статус производных субъектов от основного субъекта анализируемого преступления.

Активизация в 40-х годах XVI ст. межсословных конфликтов, связанных с тем, что рядовая шляхта ВКЛ стремилась уравниваться в правах со шляхетской магнатерией, отстаивая свои позиции «на восьми сеймах между 1547 и 1566 годами», вызвала потребность в дальнейшем совершенствовании Статута 1529 г. [6, с. 174]. Так, во второй редакции Статута 1566 г. законодатель заложил систему новых норм (арт. 3, 4 Разд. 1), устанавливающих уголовно-правовую ответственность за оскорбление (ображение) маестата (величества) Великого князя. Обращаем внимание, что ещё в римском праве латинское словосочетание «*crimen laesae maiestatis*» значило преступление, выражающееся в причинении ущерба величеству, – государственная измена [7, с. 46]. Аналогичные положения были предусмотрены также в редакции Статута 1588 г. (арт. 3, 4 Разд. 1).

Общеизвестно, что слово «ображение» наши предки с древних времен понимали как «обида», «оскорбление», «несправедливость», «ущерб» и даже «преступление». В свою очередь, авторы редакции Статута 1566 г., а затем и 1588 г. раскрыли содержание данного термина сквозь призму совокупности противоправных действий физических лиц, направленных против Великого князя как главы государства. К таковым действиям они отнесли: сговор, покушение, волнения, бунт, направленные против здоровья Великого князя; нарушение общественного спокойствия (безопасности, порядка) в момент выступлений против главы государства; изготовление (чеканку, литье) денег без разрешения Великого князя во вред государству; сбор и вывод на позиции вооруженных людей с целью захвата земель и государства (власти) в ВКЛ; противоправное установление связей с врагом государства, то есть согласование с ним своих действий, ведение переписки, направление к Великому князю послов с угрозами, необоснованную сдачу противнику замка или предоставление ему иной помощи; предательское приведение на территорию ВКЛ вражеских людей (сил) (арт. 3 Разд. 1 Статута в редакциях 1566, 1588 гг.).

Таким образом, оскорбление величества главы ВКЛ – это совокупность противоправных общественно опасных действий, определённых в положениях Статута, совершение которых кем-либо против здоровья, жизни Великого князя или его правопреемников, общественного порядка и безопасности, финансовой и оборонной системы государства наносило вред ВКЛ, его главе и обществу.

Исследование указанных противоправных действий и целей их совершения даёт достаточно оснований утверждать, что основным непосредственным объектом данного преступления являлись общественные отношения, обеспечивающие территориальную целостность, экономическую безопасность, обороноспособность ВКЛ, его нормальное функционирование и деятельность его главы, так как именно эти ценности оказывались под угрозой нанесения ущерба или подвергались ему. Анализ противоправных действий, изложенных в арт. 3 Разд. 1 Статута в редакциях 1566, 1588 гг., свидетельствует и о наличии в составе рассматриваемого преступления обязательного дополнительного объекта посягательства, которым являлось здоровье Великого князя (при осуществлении волнений или бунта), а также жизнь главы государства и его наследников (при совершении действий, направленных на захват земель и власти в ВКЛ с помощью войска).

Эти же противоправные действия, совершенные преступником по отдельности или в определенной совокупности, составляли объективную сторону анализируемого состава преступления, который, безусловно, был материальным, так как предусматривал следующие последствия: нарушение общественного спокойствия (безопасности, порядок), изготовление и, как правило, выпуск в оборот незаконных денег, что ставило под угрозу или нарушало нормальное функционирование экономики; снижение оборонного потенциала государства в случае необоснованной передачи врагу замка и, соответственно, усиление военной мощи противника и т.д.

Законодатель ВКЛ достаточно полно описал также иные признаки объективной стороны составов таких преступлений, как измена и оскорбление величества Великого князя. Из них усматривается, в частности, что способом осуществления измены был побег, а оскорбление величества Великого князя наносилось посредством нарушения спокойствия людей, чеканки (литья) денег, насилия при захвате территории государства и власти, сдачи врагу замка без боя и пр. К тому же эти преступления имели общую цель – причинения вреда ВКЛ и его главе. Более того, и побег во вражеское государство, и нанесение оскорбления величеству Великого князя влекли за собой государственную измену (арт. 3, 6 Разд. 1 Статута в редакциях 1566, 1588 гг.).

Следует обратить внимание, что в уголовно-правовых положениях Статута, как и в современном уголовно-правовом законодательстве, не шла речь о причинной связи между преступными действиями и наступающими после их совершения общественно опасными последствиями.

Однако указанная философско-правовая категория легко просматривается в логической связи противоправных действий с их последствиями, что подтверждает высокий интеллектуальный уровень законодательной сферы ВКЛ.

Очевидно, что законодатель ВКЛ в составе преступления, устанавливающим ответственность за нанесение оскорбления величеству Великого князя, предусмотрел возможность наказания виновных лиц за неоконченное преступление, то есть за сговор о посягательстве на здоровье (жизнь) главы государства или за реальное покушение на него, которое не было завершено по не зависящим от преступника обстоятельствам (законодатель выразил это теологической формулой: «Бог удержал от того, чтобы сговор этот стал преступлением»). Тем самым законодательная практика ВКЛ послужила основанием не только правильного эмпирического понимания механизма развития преступного действия, но и дальнейшего теоретического развития института стадийности противоправного поведения преступника и разрешения проблем определения наказания для лиц, прекративших посягательство до достижения ранее поставленной цели.

Субъектом оскорбления величества Великого князя, согласно положениям арт. 3, 4 Разд. 1 Статута в редакциях 1566 и 1588 гг., как и побега-измены, могло быть только совершеннолетнее физическое лицо, – подданный ВКЛ. В тексте такой субъект обозначается местоимением «кто». Однако законодатель внес уточнение в данную норму, указав: «...когда оскорбляют величество наше господарское, когда говорится о чести и жизни, таких шляхтичей подданных наших... судить согласно их поступка...» (арт. 4 Разд. 1 Статута 1566 г.). Материальное положение лиц, которые привлекались к ответственности за совершение названного преступления, свидетельствует о том, что в их собственность входили «имения отчизные, выслуженные и иным каким-либо образом полученные», то есть это были богатые люди, принадлежащие к шляхетскому сословию. Кроме того, совершение большинства противоправных действий, предусмотренных в арт. 3 Разд. 1 Статута 1588 г., предполагало наличие у преступника определённого авторитета, интеллектуальных, материальных и организационных возможностей, что вряд ли могло быть характерным для посполитого (простого) человека. Таким образом, субъектом оскорбления величества Великого князя мог быть только представитель шляхетского сословия.

Исследуя особенности субъекта рассматриваемого преступления, мы обратили внимание на содержание арт. 18 Разд. 1 Статута 1588 г. Законодатель, установив в нём принцип индивидуальной ответственности за совершенное преступление, отметил, что никто не должен быть осуждённым и наказанным за противоправные действия иного лица (отец за сына, сын за отца, жена за мужа, муж за жену, брат за брата, отец и мать за дочь, дочь за мать или отца, сестра за сестру, слуга за пана, пан за слугу). Однако данное правило не распространялось на сына в

случае оскорбления его отцом величества Великого князя или совершения им государственной измены. Это подтверждается положением арт. 3 разд. 1 Статута 1588 г., в котором указано: «А сыновья такого предателя взрослые и которые надлежащими доказательствами изобличены в том, что знали об отцовской измене, также честь и жизнь теряют».

Из арт. 4 Разд. 1 Статута 1588 г. усматривается, что в ВКЛ к концу XVI ст. наступило осознание, что к уголовно-правовой ответственности нужно привлекать лишь умственно развитых и психически здоровых людей. Так, в положениях, описывающих порядок привлечения к ответственности виновных в оскорбление величества Великого князя, нанесенного в устной или письменной форме и необоснованно унижающим главу государства, отмечено: «Однако, если кто с глупости или сумасшествия совершил такое преступление, за то мы, Господарь, братья не будем».

Полагаем, что в то время понятие «глупость» понимали как врожденное или приобретенное вследствие болезни либо травмы слабоумие человека, то есть ограниченную возможность осуществлять умственную деятельность, направленную на решение познавательных, эмоциональных и других задач, а термином «сумасшествие» («шаленство») обозначали все виды хронических психических болезней или временных острых психических расстройств, которые были известны обществу. Объективное проявление этих медико-интеллектуальных состояний во все времена давало, как правило, достаточные основания для вывода о наличии или отсутствии у человека умственных либо психических возможностей осознавать фактическую и юридическую сущность своих действий и их последствий.

Проблема заключалась в том, как относиться к умственно недоразвитому или психически больному лицу. По нашему мнению, в ВКЛ осознание сущности поведения людей, имеющих указанные недостатки, к тому времени находилось в начальной стадии научного исследования с элементами правильных подходов к правовому решению отдельных вопросов этой комплексной медико-правовой проблемы. Данный тезис в определенной мере подтверждается содержанием арт. 35 Разд. 1 Статута 1588 г., согласно которому материально состоятельные лица, совершившие убийство в состоянии сумасшествия, не лишались жизни и не изолировались в замке (крепости), а передавались под наблюдение близким или слугам с обязательным содержанием в прочном, хорошо охраняемом помещении.

Если же психически больное лицо было бедным и не имело условий для домашней изоляции, то его содержали под охраной в панских, княжеских или уряднических помещениях.

В случае побега сумасшедшего из-под охраны и повторного совершения им убийства его помещали на дно специальной крепостной башни (самые жесткие условия

подземного содержания) на срок 1 год 6 месяцев. За ранение потерпевшего психически неполноценный приговаривался к более легкому заключению. Срок, место и условия такой изоляции в Статуте не указаны. С нашей точки зрения, в этой ситуации законодатель полагался на усмотрение суда, а местом исполнения решения последнего могла быть надземная часть той же башни, или, при отсутствии крепости, иное укрепленное охраняемое помещение.

Если же лицо, совершившее убийство в состоянии помешательства, выздоровело, но вскоре снова заболело и повторно кого-то убило, то суд приговаривал его к смертной казни. Кроме того, с принадлежащего ему имущества взыскивалась головщина. В тоже время законодатель указал, что такое лицо, зная о своей болезни и возможности повторного заболевания, обязано было не только вести себя спокойно, но и заведомо обеспечить себе надлежащий надзор и охрану.

В связи с этим мы не разделяем точку зрения профессора И. Малиновского, который, анализируя арт. 4 Разд. 1 Статута 1588 г., утверждал, что термин «шаленство», употребленный законодателем в словосочетании «з глупства або шаленства», следует переводить не как «сумасшествие», а как «простота», и переводил указанное словосочетание следующим образом: «по глупости или по простоте» [8, с. 21].

Мы не можем согласиться с указанным суждением данного исследователя по нескольким основаниям. Во-первых, авторы Статута в отдельных случаях действительно использовали в правовых нормах слова, характерные для обычной разговорной речи. Однако там, где необходимо было раскрыть правовую сущность, то есть внутреннее содержание определённого правового положения, они были точны в выборе терминов, являющихся научными лингвистическими средствами выражения воли законодателя и донесения её до лиц, применяющих закон. Во-вторых, книга И. Малиновского «Учение о преступлении по Литовскому Статуту» была рекомендована к печати и издана в 1894 г. К тому времени, в 1880 г., вышло в свет второе издание «Толкового словаря живаго великорускаго языка» В. Даля, в котором слово «глупость» определено как «свойство глупого», а «глупый» – как «человек неразумный, скудоумный, недалёкий, ограниченного ума» [9, с. 358]. «Шалень» в данном словаре объясняется как состояние, «шалеть» истолковывается как «становиться шальным, сходить с ума или терять память, сознание», а «шалелый» или «шалной» – как «бессмысленный», «безумный», «глупый» [10, с. 620]. Что же касается слова «простота», то оно определено как «свойство, качество простого», а словосочетание «простой человек» разъясняется как «лицо без хитрости, без большого ума» [11, с. 512–513].

Таким образом, полагаем, что авторы Статута 1588 г. под «шаленством» понимали именно сумасшествие, то есть серьезное психическое заболевание, а не обычную

шалость (шалапутство) простых людей. Кроме того, анализ объективной стороны состава таких преступлений, как побег-измена и оскорбление величества Великого князя дают основания утверждать, что их практическое осуществление требует решения значительного количества сложных мыслительных задач, что может быть под силу только соматически и психически здоровым людям.

Нельзя не обратить внимание на ещё одно важное уголовно-правовое положение Статута (арт. 4 Разд. 1 в редакциях 1566, 1588 гг.), которое стало прообразом современных поощрительных правовых норм, направленных на пресечение и предупреждение преступлений. Оно предусматривает, что если лицо, которое принимало участие в подготовке преступления или которому стало достоверно известно о такой подготовке иными людьми, заблаговременно честно предупредило об этом соответствующих представителей власти, оно не только не привлекалось к ответственности, но и заслуживало уважения «господарского и чести повышения».

Выводы. Проведенное исследование дает основания для следующих выводов:

1) наличие в Статуте теологических положений подтверждает его традиционную связь с христианским учением о праве;

2) введение в Статут положений уголовно-правового содержания, направленных на охрану таких ценностей, как государство и его глава свидетельствует о высоком уровне правовой сознательности субъектов законодательной и правоприменительной деятельности ВКЛ. В дальнейшем идеи таких положений были воплощены практически во всех украинских комплексных уголовно-правовых актах;

3) уголовно-правовые положения Статута, предусматривающие основания для привлечения к ответственности лиц, виновных в посягательстве на общественные отношения в сфере обеспечения безопасности функционирования ВКЛ и деятельности его главы, сформулированы с учётом объективных и субъективных признаков;

4) за измену государству и Великому князю, их оскорбление предусматривались санкции, которые:

– устанавливались с учётом социальной ценности этих институтов и общественно опасного характера данных преступлений;

– определялись в зависимости от личности преступника;

– соответствовали историческому периоду развития ВКЛ;

5) положительной чертой, заложенной законодателем в положения Статута, был гуманизм, проявляющийся в позициях, которые имеют социальную и научную ценность и в современных условиях развития украинского государства и права, а именно:

– исключение распространения юридической ответственности за государственную измену на родственников преступника, которые не знали о его противоправной деятельности;

– поощрение лиц, заблаговременно отказавшихся совершать преступление и сообщивших о его подготовке соответствующим представителям власти;

– создание правовых условий для выезда подданных ВКЛ за рубеж в социально полезных целях, что позволяло им избегать нелегального оставления своего государства.

Список использованной литературы

1. Права писані, надані державі Великому князівству Литовському, Руському, Жемайтському та іншим світлішим паном Сигізмундом, з Божої милості короля Польського, Великого князя Литовського, Руського, Пруського, Жемайтського, Мазовецького та інших // Статути Великого князівства Литовського : у 3-х т. / за ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова. – О. : Юридична література, 2002– . – Т. 1 : Статут Великого князівства Литовського 1529 р. – 2002. – 464 с.

2. Ківалов С. Короткий коментар загальної спрямованості норм Статуту 1529 р. / С. Ківалов, П. Музиченко // Статути Великого князівства Литовського : у 3-х т. – Т. 1. Статут Великого князівства Литовського 1529 р. / За ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова. – Одеса : Юридична література, 2002. – 464 с.

3. Статути Великого князівства Литовського : у 3-х т. – Т. 1. Статут Великого князівства Литовського 1529 р. / за ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова. – О. : Юридична література, 2002. – 464 с.; Т. 2. Статут Великого князівства Литовського 1566 р. / За ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова. – О. : Юридична література, 2003. – 560 с.; Т. 3. Статут Великого князівства Литовського 1588 р. : у 2-х кн. – Кн. 2 / за ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова. – О. : Юридична література, 2004. – 568 с.

4. Падох Я. Нарис історії українського карного права / Я. Падох. – Мюнхен : Молоде життя, 1951. – 131 с.

5. Падох Я. Нарис історії українського карного права / Я. Падох. – Мюнхен : Молоде життя, 1951. – 131 с.

6. Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. – 3-тє вид., перероблене та розширене Н. Яковенко. – К. : Критика, 2006. – 584 с.

7. Латинская юридическая фразеология / составитель проф. Б.С. Никифоров. – М. : Юридическая литература, 1979. – 264 с.

8. Малиновскій І. Ученіє о преступленіи по Литовскому Статуту / І. Малиновскій. – К. : Типографія Імператорскаго университета св. Владимира, 1894. – 226 с.

9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. В.И. Даль. – М. : Русский язык, 1999– . – Т. 1 : А–З. – 1999. – 699 с.

10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В.И. Даль. – М. : Русский язык, 1999– . – Т. 4 : Р–V. – 1999. – 683 с.

11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. В.И. Даль. – М. : Русский язык, 1999– . – Т. 3 : П–М. – 1999. – 555 с.